

Ханна Карлсон

КАРМАНЫ

Интимная
история,
или
Как держать
все в секрете

УДК 391+008+94
ББК 85.126.1
К23

POCKETS
An Intimate History of How We Keep Things Close
Перевод с английского Григория Агафонова

Карлсон, Ханна.

К23 Карманы: Интимная история, или Как держать все в секрете / Ханна Карлсон; [пер. с англ. Г. Агафонова]. — М. : Издательство АЗБУКА, КоЛибри, 2026. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-389-24971-4

Книга Ханны Карлсон — это увлекательное исследование, в котором скромный элемент одежды становится ключом к пониманию социальной истории, гендерных отношений и материальной культуры. Автор прослеживает эволюцию кармана от средневековых поясных кошель до его триумфального встраивания в мужской костюм и драматического исчезновения из женского гардероба. Эта история — не только о моде и удобстве, но и о власти, независимости и том, как самые обыденные вещи формируют нашу повседневную жизнь и самоощущение.

УДК 391+008+94
ББК 85.126.1

ISBN 978-5-389-24971-4

© Карлсон Ханна, 2023
© Г. Агафонов, перевод
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри®

По всем «Карманам» я старательно раскладывала ту терминологию, которую использовали дизайнеры, портные и специалисты других профессий для описания себя самих и той деятельности, которой они занимались. По мере приближения повествования к современности я постаралась отдать должное тому, как изменилось наше понимание гендерной идентичности и способов ее выражения. В легкой промышленности до сих пор принято проводить четкую границу между мужской и женской одеждой, но любая история кармана как явления немыслима без признания — и в данном случае тоже — факта существенных материальных ограничений и структурных нестыковок, проистекающих от насаждения бинарных представлений о том, как люди должны взаимодействовать с миром.

Введение

Торопливо выбежав на улицу, я принялась хлопать себя по карманам, проверяя их содержимое. Прошло всего ничего после событий 11 сентября. Я стояла на Лафайетт-стрит, Нью-Йорк, и силилась определить, была ли полуденная эвакуация учебной тревогой или чем-то серьезным. Когда прозвучал приказ «Немедленно покинуть здание!», офисные сотрудницы, вынужденно прервав еженедельное общее совещание, оставили сумки, клатчи и рюкзаки на своих местах — задвинутыми под столы и развешанными на спинках стульев. Пока я разглядывала этот стремительно иссякавший поток людей, мне пришло в голову, что не я одна стою в нерешительности, не понимая, что же делать дальше.

На мне была одежда, которую позволяли моя скромная зарплата и умеренный бунтарский дух, — и этот мой стиль был на удивление разноплановым с точки зрения ограничений «офисного этикета» XXI века. Мне казалось, что к тому времени я уже научилась выражать в одежде определенное настроение, вдохновляясь теми коллегами, которыми восхищалась (беззаботные

ребята, одевавшиеся в стиле «это всего лишь обычная работа»), но одновременно примеривалась к образу других коллег — самых амбициозных, одевавшихся в стиле «*вот это* — настоящая работа». Однако ничего выдающегося в моей одежде не было: в наши дни «кэжуал-шик» производят чаще всего с использованием не лучших конструктивных решений. Глобальное распространение «быстрой моды» привело к тому, что трендовые неудобные и иногда нелепые предметы стали встречаться сильно чаще, чем продуманный дизайн в комфортном исполнении. И на мне в тот день были брюки с кармашками, притороченными явно в последний момент, а мой трикотажный топ был слишком эластичный, чтобы в нем можно было надежно закрепить настоящие, не декоративные карманы.

Мой сосед по офису (из тех, кто вечно стремится к карьерному росту, носит изысканную куртку) прекратил благоговейно пялиться в телефон; вероятно, решил продолжить в более жизнеутверждающем месте. Так он и ушел — его мобильный покоился в левом нагрудном кармане, а в правом заднем кармане брюк четко вырисовывался бумажник, очевидно, с банковскими картами и проездным на метро. Прежде чем раствориться в толпе, он, приподняв бровь, вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая, не хочу ли я одолжить у него двадцатку.

Как и этот парень, многие мужчины в целом с большой щедростью одалживают наличность, отягощающую им карман. Кто-то освобождает в нем место для ключей и губной помады очередной подружки, с которой вечером отправится на свидание. Но по большей части мужчины с туго набитыми карманами, похоже, мало задумываются над тем, насколько им повезло обладать этим встроенным пространством. Трудно по достоинству оценить то, что у тебя всегда было, — вот карманы и проходят мимо внимания тех, кто привык полагаться на их надежность и полезность. Люди воспринимают их как надежное хранилище: скидывая одежду на берегу, чтобы пойти окунуться, они, не задумываясь, ожидают, что к их

возвращению и карманы, и их содержимое останутся в целости и сохранности.

При всей кажущейся маловероятности как минимум один подобный недосмотр был отмечен и зафиксирован для последующих поколений человеком, который много размышлял о том, что значит «торопливо выбегать» и что такое недостаток пищи. С «Робинзоном Крузо» Даниеля Дефо я ознакомилась через много лет после той учебной тревоги, бросив к тому времени работу в издательском бизнесе и занявшись преподаванием истории одежды, а также истории материальной культуры. Сюжет с карманами Робинзона, который современники Дефо называли «знаменитым ляпсусом», помог мне четко сформулировать причину, почему тогда в Нью-Йорке, стоя на тротуаре, я была в таком замешательстве.

Дефо поначалу безжалостно выкинул своего знаменитого персонажа на необитаемый остров лишь с ножом и курительной трубкой, а затем, чтобы не обрекать своего героя на быструю голодную смерть, нашел выход^[1]: Крузо вдруг обнаруживает, что его потерпевший крушение корабль сел на мель неподалеку от берега. Решив разведать, чем там еще можно поживиться, он раздевается донага и, вплавь добравшись до судна, находит целую сокровищницу всяческих полезностей, включая изрядный запас сухарей, каким-то образом переживших бурю. Набив карманы этим нехитрым угощением, Робинзон опять же вплавь возвращается на берег и начинает планировать, как бы ему спасти оставшиеся на борту припасы и плотницкие инструменты. Хотя в наше время большинство читателей не заметят здесь какого-то подвоха, «знаменитый пассаж о его заплыве к берегу голышом с полными карманами сухарей» в ту пору навлек на автора массу насмешек. Как писали в 1725 году в *London Journal*, проблема логики в произведениях Дефо еще долгое время обсуждалась в обществе после первой публикации книги^[2].

Ляпсус Дефо, вероятно, действительно мог вызвать образы от причудливо-диких до смутно-непристойных, раз привлек

к себе столь пристальное внимание, но не исключено, что крылись за ним и более банальные вопросы (как, например, у меня), касавшиеся самой концепции кармана. Что это вообще такое — карман? И как так вышло, что его наличие вызывает столь завышенные ожидания относительно его верной службы?

Вроде бы не так уж и сильно, но вполне явственно и объективно карманы отличаются от своих более знаменитых родственников — всевозможных сумок, которые народы мира на протяжении тысячелетий использовали для самых разных целей. Сравнительно недавнее новшество, накладные и врезные карманы, — это, конечно, не единственный способ обеспечить хранение и транспортировку всего необходимого. Однако желание людей иметь что-то вроде сумочки или мешочка, надежно пришитого к одежде, и потому находящегося всегда с тобой, стало одной из причин столь широкого распространения карманов.

Томас Карлейль, британский историк и эссеист XIX столетия, полагал, что карманы были чуть ли не главной причиной, побудившей человека облачаться в одежду. Для людей, «слабейших из двуногих», писал он, одежда нужна не для сокрытия наготы, как полагают легионы богословов, а для компенсации при-
скорбной ущербности нашего слишком туго натянутого кожного покрова^[3]. Увидевший свет в 1836 году роман Карлейля “*Sartor Resartus*” (в переводе с латыни — «Перекроенный портной») стал одной из первых книг, содержащих сколь бы то ни было серьезные мысли о роли одежды в человеческом обществе. В ней же он указал на очевидный факт: люди по своей природе к сумчатым млекопитающим не относятся, и без карманов (или попутного корабля, что маловероятно) им никак не унести с собой все те инструменты, которые, по Карлейлю, и отличают человека от животного и позволяют действовать сообразно этому отличию^[4].

Читатели Карлейля были весьма взбудоражены как его аналитическим взглядом на мир животных, так и указанием на то, что

K

k

K, Kanguroos! _I see you're not sleeping,
But out of a pocket your young ones are peeping.

Рис. 1. Салли Скетч. «Животные по алфавиту для юных натуралистов» (1821):
«К: Кенгуру, гляжу, не спят / С карманом, полным кенгурят!»

часть из них от рождения оснащены маленькими надежными кладовыми. О сумчатых в Европе никто не слышал вплоть до публикации отчетов капитана Джеймса Кука о его путешествии в 1770 году в Новый Южный Уэльс, в котором он описал невиданное диковинное животное, которое передвигается на задних ногах гигантскими скачками, а детенышей своих лелеет «в продолговатой набрюшной сумке^[5] значительной глубины». Радуюсь появлению в пантеоне диких зверей этого весьма умильного на вид создания, авторы всего и вся — от политических карикатур до букварей и философских трактатов — неизменно обращали внимание на сходство сумки кенгуру с карманом. Страница буквы «К» детской азбуки Салли Скетч 1821 года подводи юных читателей к тому, что нечто, сделанное человеком, можно на самом деле расценивать как некий элемент анатомии (рис. 1). Вскоре острословы и пустозвоны всех мастей обратили внимание, сколь естественным и неотъемлемым атрибутом человека стали карманы. Можно было частенько услышать: «Человек без кармана — нелепая причуда природы!»^[6]

Скептики же в своих комментариях указывали на весьма интригующие нестыковки в параллелях между сумчатыми и *Homo sapiens*. «С карманом, полным кенгурят»^[7] в той же азбуке показана самка, так с какой стати тогда природа дала мужским особям человеческого рода чуть ли не монополию на карманы? У галантного кавалера в костюме карманов было как сот в улье, а у его дамы — зачастую ни единого, справедливо отмечали критики. Абсурдность ситуации подчеркивалась в вышедшей в 1944 году детской книжке Эмми Пэйн «Кэти-бескарманница», где мама-кенгуру, разродившись кенгуренком, вдруг обнаруживает, что у нее — вопреки всем законам биологии — выводковая сумка отсутствует, и она пускается в долгое и трудное путешествие за тем, что ей «причитается»^[8]. Вместе с едва ковыляющим на своих двоих сынишкой Фредди Кэти добирается до большого города и там встречает слесаря-спасителя, который «ВЕСЬ в карманах». Он, войдя в ее положение, жертвует Кэти свой фартук

Рис. 2. Х. А. Рей, иллюстрация к книге Эмми Пэйн «Кэти-бескарманница» (1944): Кэти и ее сын Фредди взывают о помощи к слесарю с целым фартуком карманов

(рис. 2). Получив этот дар, мама получает возможность без проблем носить сына Фредди так, как и предполагалось природой^[9].

Вопрос о том, кому и какие карманы «причисляются», является в этой книге одним из главных. Будучи, казалось бы, второстепенным элементом одежды, карманы раскрывают очень многое об организации повседневной жизни, включая неравномерное распределение власти. То, что наличие и размещение столь чисто функциональной вещи, как карманы, попало в категорию гендерно-обусловленных явлений, — это больше, чем просто «забавная случайность», поскольку в реальности это лишь одна из целого ряда загадочных традиций, сродни размещению пуговиц строго на правую полу мужской и на левую полу женской рубашки. Впрочем, хотя размещение пуговиц под левую руку и выглядит произволом, никому из дам это по утрам одеваться

не мешает. А вот неравновесное распределение карманов — дело уже куда более серьезное, и проистекающие от него явные неудобства вызывают раздражение и по сей день.

Как мы используем имеющиеся у нас карманы (вне зависимости от их числа) — тоже вопрос не праздный. Что нам нужно иметь при себе? Как менялись наши представления об этом в зависимости от века? То, что у Кэти в одном из карманов нового фартука найдется место для Фредди, а у Робинзона Крузо всегда будет при себе карманная ножовка, — это само собой. Больше интригуют причудливые собрания случайных вещей, рассованный по карманам «хлам». Вопросы о привычках людей как раз и порождали бессчетные перечни и описи всякой всячины в мужских карманах или дамских сумочках. Якобы содержимое карманов способно рассказать все об истинном характере, чаяниях и тревогах носителей «россыпей» (рис. 3). Любопытство легко может смениться оскорбленными чувствами, когда содержимым карманов оказываются всего-навсего руки их хозяина. Поскольку брючные карманы, по образному выражению американского поэта Говарда Немерова (1920–1991), провокационно «ведут к средоточию похоти»^[10], их использованию без надобности некогда было уделено чрезмерное внимание блюстителями правил вежливого поведения. Так как же тогда вышло, что в некоторых ситуациях (и в каких именно?) позы с руками в карманах стали считаться верхом элегантности и «крутизны»?

То, для чего мы используем карманы, не менее важно, чем то, как мы их делаем, и с точки зрения дизайна карманы уникальны в плане своих практических свойств. Из всех функциональных элементов одежды лишь карманы никоим образом не помогают человеку в процессе одевания. В отличие от молний, шнуровок, пуговиц, кнопок и прочих петелек и ремешков карманы не используются нами, чтобы надевать, снимать или регулировать под себя какой-либо предмет гардероба. Можно сказать, что одежда исторически менялась так, чтобы у нее могли

Рис. 3. Туллио Периколи. «Портрет Робинзона» (1984). Итальянский художник-иллюстратор изобразил Робинзона Крузо в окружении всех полезных вещей, что оказались при нем в итоге на необитаемом острове (включая дополнительные 12 позиций в описи справа). Ножницы, пилы, компас и ножи парят над ним ореолом, занимая ту же площадь, что и его собственная фигура.

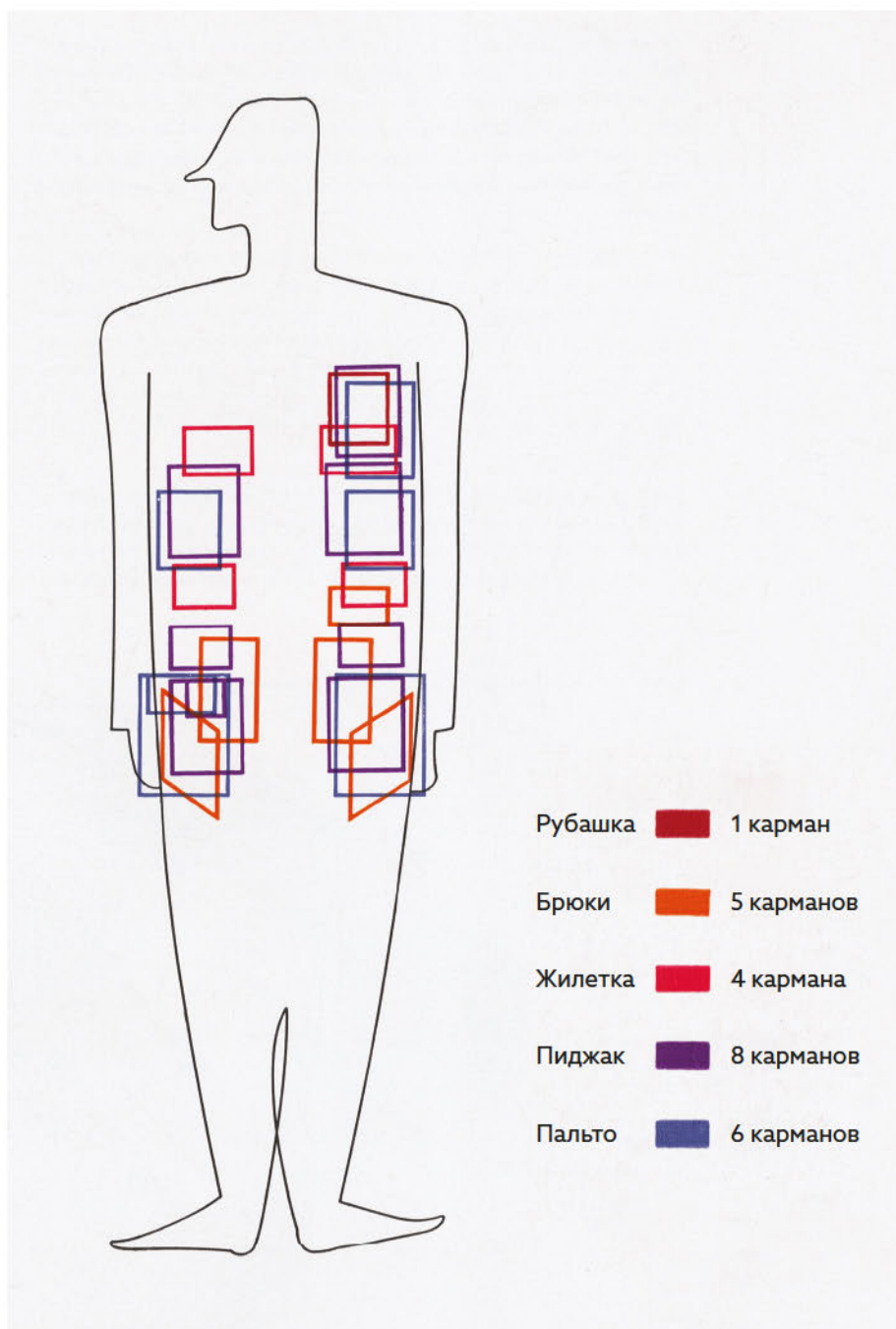
быть карманы. Или, по меньшей мере, не препятствовала нашествию этих «хитрых попутчиков».

С тех самых пор, как без малого пятьсот лет тому назад карманы впервые оказались вшитыми в мужские брюки, портные и модельеры стали делать их в самых немыслимых местах, с особым усердием использовать их в мужских костюмах-тройках, где карманы можно обнаружить и на внутренней подкладке, и на фалдах фраков. На первой для Музея современного искусства в Нью-Йорке (МоМА; 1944) выставке о моде его куратор, архитектор Бернанд Рудолфски, создал специальную инсталляцию. Она наглядно демонстрировала распределение в середине

XX века карманов по телу мужчины, число которых Рудовски явно считал избыточным. В каталог объекта он включил подборку рентгеновских снимков, позволяющих разглядеть всю подноготную и удостовериться, что карманы для мужской одежды бывают симметричными и несимметричными, разной формы и с разным выравниванием относительно друг друга (рис. 4). Из разноцветной схемы следует, что расположение карманов относительно торса меняется в зависимости от предмета одежды. Карманы тяготеют к бедрам и груди во всех предметах одежды и, похоже, на их расположение влияет факт того, кто будет носить одежду — правша или левша. В общей сложности в распоряжении у мужчины, одетого в брюки, рубашку, жилетку, пиджак и пальто, может оказаться до двадцати четырех карманов, «слой за слоем накладывающихся» друг на друга^[11].

По мере своего распространения карманы приобретали самые экзотические формы и узкоспециализированные функции. Их степень диверсификации служит, наряду с их многочисленностью, еще одним свидетельством долгой истории знакомства с ними. Складчатый карман с клапаном, к примеру, по мере необходимости раздвигается гармошкой, позволяя помещать массу полезного груза, в то время как поясные карманы браконьерской экипировки хитро сдвинуты за спину, что позволяет браконьерам надежно прятать свою добычу. Просторные передние карманы у брюк позволяют не только согреть в них кисти и запястья, но еще и прятать в них руки тем, кто не знает, куда их еще деть от неловкости или смущения. А вот миниатюрные билетные карманы не такие гибкие, зато позволяют быстро и удобно извлекать хранящуюся в них мелочевку. Вероятно, лишь вышколенный модельер способен объяснить на профессиональном языке, почему прорезные карманы с клапанами,

Рис. 4. Иллюстрация «24 кармана» из книги
Бернарда Рудофски «Современна ли одежда?
О том, что сейчас носят» (1947).

завернутыми внутрь, более приличествуют официальному мужскому костюму, нежели накладные карманы с петелькой на пуговице. Однако у любого профана наберется достаточно жизненного опыта для четкого понимания двойного назначения карманов — декоративного и функционального. Бывают карманы крикливые и кичливые, а бывают скромные и неприятельные. Бывают карманы, которые открывают себя нараспашку и всегда готовы к использованию, а бывают такие, что надежно защищают себя клапанами, застежками и пуговицами. Модельеры-дизайнеры успели наплодить множество самых причудливых и фантастических фасонов — вплоть до имитирующих теннисную сетку, ящики комода или россыпь игральные карт. Вот только в полной ли мере они вняли многовековым призывам женщин к «равенству карманов»?^[12]

Наше равнодушие к карманам требует пересмотра самого понятия «быть одетыми» — мы должны признать, что достигли чувства самодостаточности благодаря наличию у нас множества скрытых «ячеек» для тех самых мелочей, которые позволяют нам как бы невзначай приводить себя в порядок или служат источником практической или эмоциональной помощи в течение дня. Полагаемся мы и на защитно-охранительную их функцию, хотя это и чревато развитием подозрительности и фобий — недаром же враждебные столкновения между властями и гражданами чаще всего начинаются с требования «Держать руки на виду!» Даже находясь в отчаянии, мы полагаемся на карманы, как Вирджиния Вульф, набившая для верности их камнями, прежде чем утопиться в реке Уз.

Карманы меняются — так же, как и одежда в целом. Будут ли нужны они нам в будущем, когда двери будут открываться не ключами, а по мановению руки с помощью вшитого в рукав микрочипа? Люди давно мечтали о мирах, столь продвинутых, что там отпадает всякая надобность в некогда необходимом оборудовании. Однако сейчас мы и при обилии карманов

не всегда находим в них самое нужное. «У тебя что — в кармане кораблик?»* — иронизирует в романе Голдинга «Повелитель мух» Ральф над товарищем по несчастью, который, вглядываясь в горизонт, размышляет, смогут ли они когда-нибудь выбраться с необитаемого острова. Понятно, что некоторые предметы не поддаются масштабированию до карманных размеров на случай чрезвычайных ситуаций (а приложение для смартфонов «корабль-без-регистрации-и-смс» еще не разработано). Однако, прилежно приспособливая карманы под всевозможный подручный инвентарь, производители признают тем самым, что одежда неразрывно связана с предметами. И когда карманы включаются в одежду осознанно и с умом, они становятся наглядным свидетельством усилий, которые прилагают модельеры, чтобы предвосхищать нужды человека и расширять его возможности^[13]. К тому же с карманами по бокам нам в любом случае не грозит полное одиночество. Даже когда возникает чувство, что мы оставлены на произвол судьбы и вынуждены обходиться лишь тем, что есть при нас.

* Голдинг, У. Повелитель мух / Пер. Е. Суриц // Собрание сочинений / Сост. М. А. Шерешевской. СПб. : Симпозиум, 2000. Т. 1. С. 128. (Ex libris).

ГЛАВА 1

Происхождение кармана: «тайник за пазухой»

Марк Твен считал карманы одним из полезнейших изобретений в истории человечества. С учетом того, что он застал появление и повсеместное распространение пароходов, телеграфа и трансконтинентальных железных дорог, может показаться удивительным, что он говорит о карманах. Но когда писатель представлял себя в образе «средневекового

Рис. 5. Обложка кастильского героического эпоса «Песнь о Сиде» (XII век) в английском переводе Роберта Саути (1808), 1883 года издания. Экземпляр из семейной библиотеки семьи Клеменсов с дарственной надписью рукой Марка Твена: «Кларе Клеменс на Рождество 1884 года от папы»

странствующего рыцаря», в этой ипостаси ему больше всего не доставало именно карманов.

Средневековые фантазии донимали Твена не на шутку — вплоть до того, что он вскакивал среди ночи и тут же записывал детали своих дурных снов в блокнот, который держал как раз для такого случая на прикроватном столике: «Ни единого кармана на латах. Ни единой возможности справиться естественные нужды. Даже почесаться нельзя. Простужен, — не высморкаться — платка нет, а железным рукавом не утереться»^[1]. Как и подобает хорошему писателю-юмористу, Твен быстро перерабатывал неприятный опыт личных переживаний в незабываемо комичные образы. Огорченный реабилитацией рыцарства как явления в культуре конца XIX века, внешне выразившейся в превознесении до небес необузданно мужественных ковбоев и главарей разбойничьих шаяк, Твен надеялся заземлить их образ и «нанести скрытый, замаскированный удар по этой чепухе о странствующем рыцарстве»^[2]. И это ему в полной мере удалось в своем романе, который считается одним из первых произведений, посвященных путешествиям во времени^[3].

Когда Хэнк Моргана, нравственного и правильного героя романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», заносит на тринадцать столетий назад в Британию эпохи владычества этого легендарного короля, ему не остается ничего другого, кроме как пополнить ряды рыцарей, «одержимых поисками Святого Грааля»^[4]. В сцене, отражающей его собственный сон, Твен напоминает читателям, что рыцари при всем блеске их лат и цветистости знамен отнюдь не были неуязвимыми и не могли передвигаться с такой легкостью, как это принято было изображать на популярных иллюстрациях (рис. 5). Скованный слоями металла Морган обливается потом подобно любому, кого поместили бы на солнцепеке в кожах из теплопроводящего материала. Еще бóльшую беспомощность твеновский потный рыцарь испытывает из-за неспособности запустить руку под свои доспехи, чтобы утереться, да при этом еще и сообразив, что

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Исторический интерес

Карлсон Ханна

КАРМАНЫ

Интимная история, или Как держать все в секрете

Ответственный редактор *Ирина Мажеева*
Литературные редакторы *Сергей Гуков, Екатерина Волковская*
Дизайнер обложки *Надежда Данильченко*
Технический редактор *Ксения Кочурина*
Корректоры *Елена Бударгина, Екатерина Шумская*
Верстка *Леонид Харченко*

На суперобложке использована фотография Арика Непо (1913–1961):
Vogue, 1949. Arik Nepo / Vogue с Conde Nast

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.12.2025.
Формат 75×100^{1/16}. Гарнитура «Charter». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,75.
Тираж 2000 экз. W-HIS-33957-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» – обладатель товарного знака КоЛибри 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – КоЛибри тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

